

Пересылка была чиста даже во дворе, в казармах блеск и запах протравы, смешанный с духом мяты и еще какой-то духовитой травы, которой надлежало забивать вонь карболки, и сам казарменный, вроде бы ничем уж не истребимый дух. В столовой чистые столы, под клеенкой, чистая посуда и тарелки есть, вместо жестяных банных тазов, таких везде привычных, алюминиевые баки, алюминиевые черпаки, алюминиевые ложки. Столы заранее накрываются дежурными, у раздаточного окна ни очередей, ни битв, ни доходяг, жаждущих добавки, потому что если надо, можешь ты добавить сам себе супу черпаком из бака. На территории пересылки баня, медпункт, прачечная, несколько деревьев шелковицы, тополей и старых груш. Все обыватели пересылки живут по режиму: подъем, построение, умывание, завтрак ? и на работы: часть людей в город, на разные предприятия, часть занята наведением еще большего порядка на территории и службах пересылки. На нарах никто не валяется, торговли и мены нет, пьяных вообще не видно, женский род не только не блядует, но и в словесные контакты с солдатней боится вступать. Капитан Старокопытов вверенный ему объект держал в большой строгости, самолично вникая во все мелочи и подробности жизни пересылки, ранее всех поднимался и позднее всех ложился в постель. Словом, вел он себя и работал так, как его учили, как и положено работать настоящему советскому офицеру. Он был комбатом на войне, дойдя до этой высокой должности с помкомвзвода, но его тяжело ранило, и где уж он лечился и как лечился, вообразить невозможно, скорее всего в госпитале типа васюринского, правая нога у него была намного короче левой и повернута пяткой вперед, однако же на обеих форсисто блестели хромовые сапоги, блестела единственная медаль, пуговицы, пряжка на ремне, и весь он блестел и был затянут, но ходил с палкой, еще госпитальной, ореховой, с надетым на нее резиновым набалдашником, и ходил, выставившись вперед, почти задевая подбородком эту палку, и только по вытянутости, устремленности тела вперед можно было определить, что идет он все-таки вперед, но иногда казалось, что и вперед, и назад сразу. Солдаты незло подшучивали над капитаном, пытались даже подразнить его походку, но редко у кого это получалось. Сам капитан с контингентом пересылки был строг, но снисходителен, позволял себе покурить в солдатском кругу, поохотать вместе с ними и пошутить, но совершенно он был беспощадным властелином по отношению к обслуживающему персоналу. За голяшкой хромового сапога он носил деревянную расписную ложку и, еще по истории суворовских времен зная, что путь к солдатскому сердцу лежит через кухню и, наверное, чуть даже подражая Суворову, самолично контролировал непорядок, суп или каша оказывались невкусными иль кто-нибудь посмел что уворовать, ? он бил подряд всю кухонную челядь и бил не палкой, а каким-нибудь увесистым, горячим черпаком. ? А-а, ку-ур-рвы! У бойцов изо рта кусок вынуть?! Подрывать авторитет Красной Армии?! Подламывать оборону с тыла?!... Жил капитан Старокопытов на территории пересылки, в деревянном особнячке, стоящем прямо среди обширного двора, по фронтому и бокам опоясанном каким-то балконом или площадками, что ли. Торговля ли какая размещалась прежде в этом помещении, склад ли какой, но капитан Старокопытов велел во все стороны прорубить окна, сделал два выхода ? сзади и спереду, и всю он пересылку со всех сторон зрил и контролировал ее буквально-досконально. Родом он был пензяк, но нрава кавказского, боевого. С ним жила его жена Шура ? очень доброе, работающее существо с грустными голубыми, даже не грустными, а недоумевающими голубыми глазами и прежде времени увядшим лицом, потому что капитан Старокопытов совсем извел ее ревностями... к прошлому. Был он лет на десять старше Шуры, был от нее без ума и бесился от чувств, совершенно ему непонятных. Пытался бить и жену, как бил кухонную службу, но Шуру все жалели, любили, и уж тут, выходя из повиновения, народ вставал горой за милую женщину, которая, чувствуя в массах опору и поддержку, и сама постепенно обретала характер, начинала оказывать сопротивление капитану. Все действие, вся пересыльная комедия, которую массы ждали с нетерпением, начиналась перед отбоем. "Ста-анавись!" ? раздавалась команда ? и в другом месте, в другом подразделении, кто бы куда попрятался, под нары влез и, вообще, рассосался, а тут сыпали на улицу даже те, кто ходить в строю вовсе не мог, и больные, на обе ноги хромые или те, что от контузии падали в строю. Припадочные, умом тронутые бойцы рассаживались по завалинкам, остальные охотно строились в три ряда и замирали, сдерживая себя и не давая воли смеху, потому что впереди была такая потеха, такой театр, на который "подывиться" приходили бойцы и офицеры из других частей, ребяташки висли на заборах и шелковицах, окружавших территорию. Два полных кавалера орденов Славы, двигавшиеся с парада Победы в свои части, в праздничных мундирах, застрявшие на винницкой пересылке, потому что части их двигались им навстречу, из Германии, как потом оказалось, на восток, воевать с японцами, выстраивали нас и,

Астафьев Виктор Петрович Пересылка astafevvictor.ru

наблатыканные в Москве, на параде, шагали к балконному обносу и снизу вверх зычно гаркали: ? Товарищ гвардии капитан, вверенные вам бойцы для вечернего марша построены. Докладывают гвардии старший сержант Каменщиков и сержант Горовой! Капитан Старокопытов в гвардии не служил и не воевал, но против такой лести устоять не мог. Спрятав палку подальше, он приосанивался, хватался за барьер балкона, чтобы не упасть, и, вобрав в себя побольше воздуха, все равно кричал тонко, срывающимся от волнения голосом, хотя ему-то хотелось гаркнуть так, чтоб окна в близлежащих домах если не повывлетали, то хоть бы звякнули, и чтоб Шурка, жена его, со страху под кровать залезла. ? Здравия желаю, товарищи бойцы! И мы дружно, одним порывом выдыхали: ? Здрась-тыщ-гвардии-тан! ? Благодарю за службу! ? Ур-р-р-ра-а-а-а! А потом бойцы, у которых не были перебиты руки и ноги, или перебиты не до конца, ведомые парадно одетыми сержантами Каменщиковым и Горовым, начинали маршировать вокруг голубого капитанского дома. Капитан, держась за барьер, воробьем скакал по балкону, и все больше бледнел, со стынувшим от напряжения нутром, сек: ? Ы-рыс! Ы-рыс! Ы-рыс-два! Ы-рыс-даа... три-четыри, тр-ри-четыри! Ы-ры-рысь-р-рысь!.. И войдя в совершенный раж, в восторженное беспмятство от парада, начинал и сам болтать повернутой вперед пяткой ногою, и получалось у него что-то вроде балетного па-де-де, когда нога, сделав петлю в воздухе, потрепыхавшись там, доставала зад и ударялась носком в ягодицу. Однажды, сделав такой вот пируэт, капитан лягнул с балкона деревянную лагуху с вареньем, но ей не дали упасть на землю хваткие нестроевики, изловили посудину в воздухе и уж было сбили строй, пытаясь вернуть лагуху на место, но капитан крикнул сверху: ? Хер с ним, с аареньем! ? и парад продолжился, лагуха угодила в столовую, и мы дня три пили чай с вишневым вареньем, Шура нашла лагуху уже пустой. Когда марширование набирало силу и капитан уставал прыгать по балкону, следовала новая требовательная команда: "Пес-снюу!" И строй кривоногих, одноруких, кособоких и одноглазых просмешников и злодеев гаркал самую-самую любимую песню капитана Старокопытова: Н-на радном ба-арту линкора В неба смо-о-отрят ма-а-ачты, Й-я вернусь, па-адружка, скоро, Н-не грусти, не пла-аачь-ты... Что с этой песней делали доходяги-нестроевики ? уму непостижимо! Ее изворачивали каждый на свой манер и лад. Коляша Хахалин внес в песню свежую струю и вместо: "Ты стояла у причала и рукой махала", воротил: "Ты стояла, сено ела и хвостом махала!" И отдохнувшая, отъевшаяся публика, громко подпердывая на ходу, с восторгом подхватывала новый текст, но капитан ничего уже не разбирал, он рыдал на балконе, как предводитель взбунтовавшихся мексиканцев, знаменитый Панчо Вилья на трибуне, когда, слушая вождя своего, вместе с ним рыдал весь народ, и все они отлично понимали и любили друг дружку. ? Мы там... ? пытался молвить капитан Старокопытов. ? Мы там... указывал он вдаль, на запад, ? А они тут... А они... они... Значит, мы там, на фронте, кровь проливали, бились с врагом, не жалея жизни, а они тут... стало быть, Шурка, не знай чем занимались, разлагались сами и расшатывали наш и без того не очень прочный и честный тыл. Распалив себя, капитан бросался в глубь голубого дома, прыгал за Шуркой вокруг стола на одной ноге и не мог ее настичь. Все же Шурка изнемогала раньше неистового капитана, капитан драл на ней одежды, пытался душить, но жена не допускала схватку до крайности, давала мужу неуклюжую деревенскую подножку ? и боевой капитан, не удержавшись на кривой ноге, брякнув медалью, падал на пол. Шурка придавливала его к половицам. ? Задушил?! Взят? Взят? Вот тебе! ? и совала в нос поверженному капитану фигушку! ? Ладно. Все! Помоги мне. Счас бойцы придут ? разнимать. Нехорошо. К той поре, как прийти нам на помощь слабой женщине и на выручку капитану, в голубом доме все уже утрясалось, и супружеская жизнь входила в норму. Шура, подбираясь в доме, прибирая себя, плакала: ? Ну что тебе от меня надо, Ванечка? Я ж тебе говорила, был у меня ухажер в Малоярославце, мы с ним ходили, собирались пожениться, ну и... не избежали глупостей. Потом оборонные работы. Военные кругом. Обогреют, приласкают... Потом фронт, батальон твой и я, одинокая санитарочка, от вашего брата обороняйся, как от фашистских танков, они там и тут... со всех сторон наступают... так и давят... так и уютжат... Ты меня прибрал, спас. Спасибо тебе! Век не забуду! Но тебе нужна другая женщина, чистая, целомудренная. Я все понимаю, Ванечка! Истаскалась по вагонам, по баракам, по окопам и блиндажам ? век не отмыться. Но разве я виновата в этом? Разве виновата, Ванечка? Я хоть раз, хоть что-нибудь позволила себе, как другие офицерские жены?.. Но ты доведешь!.. Позволю! ? Попробуй только! ? Ванечка, да отпусти ты меня домой! Не мучайся сам и меня не мучай. Ну, раз у тебя такое ранимое сердце, что сделаешь? Я попробую устроить свою судьбу по-своему, и ты устроишь свою, найдешь достойную женщину... Вон сейчас нашего брата сколько!.. А я и рожать не могу. Лишилась такой возможности. Отпусти, а? Ванечка! ? То-олько в гр-рробе! То-о-о-олько в цинковом, сургучом опечатанном гробе ты попадешь домой! Не будь я Иван Старокопытов!.. И так вот изо дня в день, из вечера в вечер. Скоро это перестало забавлять нас. И скоро мы все перезнакомились друг с другом,

Астафьев Виктор Петрович Пересылка astafevvictor.ru

объели шелковицы на территории пересылки и вокруг нее. Порассказали друг другу и друг о друге все, что могли, отоспались, отъелись, устали, истомились ведь молодые все, хоть и поизувеченные. И нас снова начали манить заманчивые дали. А тут и "покупатель" нагрнулся, из недалеких мест, из-под Жмеринки, из какой-то почтовой части, где работали сплошь девушки, и наступила пора им демобилизовываться, ехать по домам. Надо было их кем-то заменять? военная почта работала с неослабевающим, даже с нарастающим темпом? отвоевавшиеся люди получили больше времени и бумаги для того, чтобы писать письма. Ребята, в том числе и герои-сержанты Каменщиков и Горовой, решили податься в почтовики, в какое-то совершенно райское, войной нетронутое украинское местечко, где фруктов и продуктов навалом, девок? какую хочешь выбирай, хоть в невесты, хоть так, работа легкая, жизнь развеселая... Коляша Хахалин на эти рассказы никак не реагировал и "покупателю" нясколь не верил. Хватит, навидался он на своем боевом пути всякого и рай всяческий изведаль. "С места не сойду и до победного конца буду держать оборону на винницкой пересылке, и пусть город этот, Винница, набит жуткими ревнивцами, пусть хочется за забор пересылки, на девок посмотреть и, может, какую хохлушку и обласкать, пусть фокусничает и дурью мается капитан Старокопытоа? не сойду с места и все!" Но ребята так к Кольке-Свисту, ттецу, анекдотисту, певцу, просмешнику-поэту привязались, что не хотелось им без него никуда ехать. Они подослали к Коляше "покупателя"? для личной беседы с заявлением, что если Коляша на согласится с ними ехать, то и они никуда не поедут... Массы Коляша уважал. Дружество ценил. Внимание он ценить не разучился до сих пор, тем более ценить солдатский союз, из-за которого и жив остался, это они, окопные друзья, его, беспамятного, окровавленного сумели переправить с плацдарма, где даже с легкими ранениями подыхал почти каждый второй боец, а тут, на пересылке, все не по разу раненные, все "свои" Коляша сжился с ними, привык к ним. Словом, собрал Хахалин вещички и встал в строй человек во сто, и двое солдат, что были поближе, ? Матвей со стеклянным глазом и Корней с хромою ногою, оба из Забайкалья, обняли его благодарно. 1960

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!